

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.091

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-348-355>

Шифр научной специальности 5.9.1

Поэзия В.Г. Руделёва в контексте лингвоэкологии эпохи “post”

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Поставлена актуальная проблема культурной памяти и её современных интерпретаций в научном и художественном дискурсах. Целью исследования является анализ образов культурной памяти, трактуемых как поэтологический ресурс лирики В.Г. Руделёва. Объектом исследования служит художественная структура лирики эпохи “post”. В основе методики исследования материала лежит комплексный подход, сочетающий в себе элементы культурно-исторического, сравнительно-исторического и поэтологического методов. В ходе последовательного рассмотрения смыслового и поэтологического содержания репрезентативных лирических текстов В.Г. Руделёва доказано, что характерная для лингвоэкологии постиндустриальной эпохи обращённость к артефактам прошлого в идиостиле конкретного автора не обязательно свидетельствует о мировоззренческой близости к постмодернизму. В случае с лирикой В.Г. Руделёва, запечатлевшей свойства творческой личности поэта, учёного и университетского профессора, апелляция к прецедентным феноменам гуманитарной культуры продиктована стремлением способствовать утверждению доверия к возможностям человека и тем самым противостоять идеологемам постмодерна. Практическая значимость и перспективы исследования состоят в возможности их использования для дальнейшей разработки научной концепции лингвоэкологии эпохи “post”, а также путём внедрения полученных результатов в образовательный процесс, для проведения семинаров по современной поэзии.

Ключевые слова: культурная память, поэзия, лирика, Руделёв, лингвоэкология, посткультура, эпоха “post”

Для цитирования: Потанина Н.Л. Поэзия В.Г. Руделёва в контексте лингвоэкологии эпохи “post” // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 348-355. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-348-355>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Публикуемые статьи Н.Л. Потаниной, Н.Г. Серебренниковой, А.Л. Шарандина посвящены 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.Г. Руделёва. Они отражают различные аспекты анализа его научного и творческого наследия в рамках исследований научной школы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина «Экология языка и речи», основателем и руководителем которой был В.Г. Руделёв.

Poetry V.G. Rudelev in the context of linguoecology of the “post” era

Natalia L. POTANINA

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. The actual problem of cultural memory and its modern interpretations in scientific and artistic discourses is posed. The aim of the study is to analyze the images of cultural memory, interpreted as a poetological resource of V.G. Rudelev. The object of the study is the artistic structure of the lyrics of the “post” era. The material research method is based on an integrated approach that combines elements of cultural-historical, comparative-historical and poetological methods. In the course of a consistent consideration of the semantic and poetological content of representative lyrical texts by V.G. Rudelev, it is proved that the appeal to the artifacts of the past in the idiostyle of a particular author, which is characteristic of the linguoecology of the post-industrial era, does not necessarily indicate an ideological proximity to postmodernism. In the case of the lyrics of V.G. Rudelev, who captured the properties of the creative personality of a poet, scientist and university professor, the appeal to the precedent phenomena of humanitarian culture is dictated by the desire to promote confidence in human capabilities and thereby resist the ideologemes of postmodernity. The practical significance and prospects of the study lie in the possibility of using them for further development of the scientific concept of linguoecology of the “post” era, as well as by introducing the results obtained into the educational process, for conducting seminars on modern poetry.

Keywords: cultural memory, poetry, lyrics, Rudelev, linguoecology, postculture, “post” era

For citation: Potanina, N.L. Poetry V.G. Rudelev in the context of linguoecology of the “post” era. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):348-355. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-348-355>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине минувшего столетия мировая художественная словесность (по крайней мере, та её часть, которая основывается на европейской традиции) обнаруживает отчётливое стремление апеллировать в творческом процессе не к реальности, а к ранее созданным культурным текстам (литературно-художественным и научным), ибо сама человеческая возможность постигать смыслы реальности вступает в эру недоверия. Тем самым создаются условия для новой проблематизации культурной памяти и актуализации её рассмотрения в контексте современной культуры “post”. В эти годы Ж. Деррида

обосновывает концепцию логоцентрического развития европейской мысли, согласно которой специфика работы человеческой памяти состоит в том, что она бесконечно усложняет реальность. В связи с этим нет и не может быть никакой уверенности в том, что первоисточник не был многократно искажён в процессе его осмысления. Само возникновение знака, считает Ж. Деррида, лишает человека возможности «встретить где-то реальность в чистом виде» [1, с. 230]). Так рождается ключевое для культуры “post” представление об эпистемологической неуверенности, разделяемое такими разными теоретиками этой эпохи, как Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез, Р. Барт и др. Им прису-

ще и общее представление о «децентрированном мире». Определяя мироотношение современного человека, известный теоретик постмодернизма И.П. Ильин [2] ссылается на голландского критика Х. Бертенса, назвавшего его основным свойством «радикальное эпистемологическое и онтологическое сомнение» [3, р. 28]. Любое доступное человеку знание трактуется в этой системе координат как результат отдельной точки зрения, которую выбрал наблюдатель. Смена точки зрения влечёт за собой кардинальное изменение самого этого знания. Эта мысль Ж. Деррида усугубляется его же рассуждением о том, что «... хотя «...внетекстовой реальности вообще не существует» [1, с. 313], есть «целый ряд различных отношений в зависимости от того, какая часть означаемого притворяется неразстворимым слоем означаемого» [1, с. 315]. Из этого следует, что текст обладает способностью разыгрывать собственную знаковую реальность, которая никак не связана с реальностью объективной. В зависимости от культурного опыта каждый играющий на этом поле выстраивает собственную реальность. Отсюда и ещё один знаменитый вывод Ж. Деррида: «...Письмо как мнемотехническое средство... означает забвение» [1, с. 156]. Проблематизированная в этом ключе идея культурной памяти находит своё отражение в художественном дискурсе.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью исследования является анализ образов культурной памяти в лирической поэзии В.Г. Руделёва. Данная цель реализуется на основе решения задач рассмотрения репрезентативных лирических текстов поэта в контексте современной лингвоэкологии, в их сопоставлении с поэзией русских концептуалистов. Вместе с тем для решения вопроса о мировоззренческих основах образов культурной памяти в поэзии В.Г. Руделёва к анализу привлекаются научные тексты этого поэта. В методике исследования сочетаются элементы культурно-исторического, сравнительно-исторического, поэтологического методов и подходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, писатели постмодернизма склонны моделировать художественную картину мира не на основе объектов реальности, а на основе её образов, уже осмысленных ранее в искусстве или науке.

Если говорить о поэзии, то с последней трети XX века обращение к уже созданным культурным феноменам для передачи лирического переживания обретает тотальный характер. Российские поэты, концептуалисты и постмодернисты (Дм. Пригов, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, В. Пеленягрэ, А. Драгомощенко и др.) активно используют в своём творчестве интертекстуальные отсылки к русской литературе (Пушкин, Мандельштам), к зарубежной литературе разных эпох (Шекспир, французская куртуазная поэзия, английский модернистский роман), к советским газетным и сегодняшним рекламным клише, к античной истории и мифологии. Так, в известном стихотворении Т. Кибирова «Романс-чечётка» легко распознаются отсылки к А. Кольцову, А. Пушкину и А. Платонову («На заре туманной юности»), к слоганам советской эпохи («Готов к труду и обороне»), к лирическому мотиву нескольких эстрадных песен, советской и современных («...твой свет на восьмом этаже...»); у А. Драгомощенко – к известному модернистскому тексту Г. Стайн («The sun moves so fast» – «Быстрое солнце»). Примеры можно множить.

Разумеется, обращения русских и зарубежных писателей к известным художественным образам прошлого имели место и во времена классической художественности. Однако они использовались преимущественно для характеристики персонажей и представляли собой их сопоставления с литературными либо мифологическими героями. Культурные ассоциации нередки и в традиционной пейзажной образности. При этом набор культурных текстов, служивших ресурсами для поэтических ассоциаций, был ограничен античными либо библейскими источниками. В лирической поэзии эпохи "post" вновь актуализируется импрессионистическая фиксация быстро меняющихся, не всегда поддающихся отчётливому выраже-

нию, неясных, онейрических состояний человека и мира, характерная для модернистской эпохи. Только теперь в лингвокультуре пост всё отчётливее отмечается «постмодерное» стремление воссоздавать эти состояния за счёт обращения к уже имеющимся культурными текстами, а не ассоциировать их с живыми человеческими чувствами и мыслями. Постмодернистское представление о принципиальной невозможности любых попыток постигнуть реальность («означающее»), о его сокрытии под массой «означающих» напластований диктует потребность в манипулировании уже созданными знаками, чьё содержание, как минимум, подтверждено самой историей их функционирования в искусстве или науке.

Обращения к культурным текстам прошлого имеются и в поэзии В.Г. Руделёва. Другое дело – на каких мировоззренческих основаниях совершаются такие обращения. Рассмотрим в этом ракурсе итоговую поэтическую книгу В.Г. Руделёва «Полёт золотой стрекозы в саду Поэта»¹, имеющую для нас особую ценность, так как она составлена самим автором. Эта книга, состоящая из 15 разделов, включает в себя стихотворения и поэмы, создававшиеся с середины 1950-х до 2015 г. Все они, кроме тех, что включены в последний раздел книги, ранее опубликованы в сборниках В.Г. Руделёва, издававшихся с 1991 по 2015 г.

Вот некоторые примеры. Как уже приходилось говорить по другим поводам, в стихотворении «Одуванчик (2010)», вполне в духе культуры “post”, автор намеренно обнажает поэтический приём: природный образ конструируется не из характеристик природного мира, а на основе историографических либо мифологических и литературных ассоциаций. Одуванчик довольно неожиданно соотносится с образом Дон Кихота, бесстрашного и благородного борца за идею, традиционно связанного в читательском сознании с целым комплексом смыслов (о высокой ценности бескомпромиссной нравственной позиции, о

многочисленных рисках обладателя такой бескомпромиссности, о жесткости противостояния нравственного императива и морального релятивизма и проч.). Далее с образом Дон Кихота сопрягается образ князя Игоря, бесстрашного воина за единство Русской земли, который, по версии автора, был предан и пленён половецким ханом Кончаком. Непомерная доверчивость князя Игоря, едва не стоившая ему жизни, легла тяжким бременем на моральное состояние русского войска и, кажется, поставила предел достижению главной цели его жизни. Далее следует ассоциация одуванчика с мифологическим образом Икара: «...свиданья с солнцем жаждущий Икар» (с. 130). «Авторская ремарка о времени и месте создания стихотворения: «13 ноября 2010 года. У дверей нового здания Университета имени Г.Р. Державина», – рождает ещё новые смыслы, дополняющие уже обозначившийся художественный образ. А именно – романтическое бесстрашие культурного героя такого типа одновременно и бесплодно и плодovито. Оно влечёт за собой неотвратимую гибель, ведь ноябрь – месяц поздней осени («Уж в двух шагах карающий Декабрь»). Но это – исход одной, отдельной жизни. Тогда как в масштабах «большого времени» (М.М. Бахтин) за ноябрьским предзимьем, грозящим смертью всему живому, непременно придёт весеннее возрождение» [4, с. 626-627]. В заключительном четверостишии происходит ревизия всех предшествующих характеристик: многосмысленность поэтической метафоры (быть может, избыточная) и восторженность лирического героя (быть может, излишняя) снижается ироническим комментарием: «О, сколько радужных ассоциаций! / И взглядом оторваться не могу / на мысленном зелёном берегу, / в восторге от берёзовых овец...» (с. 130).

В стихотворении «Боярышник» (2010), в этой книге соседствующем с «Одуванчиком» (тем самым они бросают друг на друга отсветы смыслов), использован тот же приём, отсылающий не к природным реалиям, а к культурным текстам. Аллюзия на рокайльный сюжет о запретной любви юного Керубино («Боярышника») «запускает механизм» быстро меняющихся культурных ассоциаций.

¹ Руделёв В.Г. Полёт золотой стрекозы в саду Поэта. Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2015. 208 с. Далее в тексте цитируется это издание с указанием страниц.

ций: с извечной детскостью гения, с юной жадностью, поглощающей новые жизненные впечатления, и с судьбой гениального поэта, вынужденного довольствоваться не подобающей его личностному величию ролью камер-юнкера. Однако здесь нет авторской самоиронии, нет и подчёркнутого обнажения поэтического приёма – апелляции к инокультурным текстам.

В стихотворении «Деревья и облака» (2005) характеристика природного мира также даётся через ассоциации с миром культуры. Основных таких ассоциаций две. Первая – с сакральными образами малайско-полинезийской культуры, запечатленными в языке кави (кави – религиозный и литературный язык островов Ява, Бали и Ломбок). Этот язык анализировал Гумбольдт, а потому сквозь только что обозначенный смысл образа здесь «просвечивает» ещё один – сциентифицированный, что вполне соответствует духу культуры «пост», склонной играть не только художественными, но и научными текстами: «Свидетельствуют очевидцы кави / о том, что в окончании Мечты / становятся деревья облаками, / божественные обрета черты» (с. 113). Вторая ассоциация – с живописью Гойи: «Вплывают на закатные поля, / Как на полотна неземного Гойи, / и пыльные скитальцы-тополя, / и царственно великие секвойи» (с. 113). Но и здесь не находим откровенно иронического обнажения приёма.

Поэтический пейзаж, как правило, создаётся у В.Г. Руделёва за счёт цветописи особого рода, основанной на культурных ассоциациях: упоминание имён художников вызывает в памяти подготовленного читателя характерную колористику их творений: «Когда синеву Сальвадора Дали / сменили зелёные тени Эль-Греччи...»; «В беседах о Лорке и Марке Шагале...» («Воспоминание о Переволоцке», 1958 (с. 58)); «А в Небе раскинул холсты / великий волшебник Кандинский...» («Последний миг осени», 2004 (с. 91)).

Тот же приём лежит не только в основе колористики, но и в основе авторской ритмики и звукописи. Так, образ буйно цветущей сирени рождается из сочетания цветовых и звуковых ассоциаций с известным романсом «Сирень» (музыка С. Рахманинова,

слова Е. Бекетовой) и работами Л. Бакста, для части которых характерно кобальтово-лиловое цветовое решение: «Звучал Рахманинов, и Бакст лепил свои соцветья жизни...» («Сон о сирени», 2005 (с. 109)).

Зрелище закатного неба воссоздаётся через ассоциацию с театральным искусством: «А Небо, / как Большой театр, открылось праздничным спектаклем...» («Успокоение – в конце», 2005 (с. 112)).

Осмысление сущности поэтического творчества и миссии поэта тоже рождается из потока исторических и литературных ассоциаций, в котором перемежаются прецедентные образы мировой словесности («...пылающий, как Мефистофель»; «...увидеть в Гамлете Лаэрта...») («Харланов», 1983 (с. 53-54)) и знаковые исторические фигуры («...высокомерный, как Батый...» (с. 53-54)). Это могут быть античные или библейские образы (Ева – «Шопрон», 1983; Пигмалион – «Стеклодувный завод в Шалготаряне», 1983–1999). Вдохновенное и вдохновляющее общение двух поэтов характеризуется через ассоциацию с известной поэмой Баратынского «Пир»: «Он был космическим и вечным / Наш трезвый, Баратынский пир...» (с. 53) – или с прецедентными образами русских поэтов: «Так пировал великий Тютчев / И наслаждался гордый Фет» (с. 53). Традиционная для классической литературы тема поэта и поэзии сопрягается с темой времени и обретает здесь космический характер: «Его раскатистое эхо / бурило дыры в потолках / и разливалось жарким смехом / во всех Пространствах и Веках. / И поднималось Траком Млечным / над тяжестью голов и спин...» (с. 53).

Сила поэтического воображения сообщает пространству/времени магические свойства, многократно умножающие творческие возможности человека. В стихотворении «Стеклодувный завод в Шалготаряне» (1983–1999) вдохновенное мастерство стеклодува, преодолевающее рамки ремесла и тем самым становящееся искусством, характеризуется через ассоциацию с древнегреческим мифом о Пигмалионе: «Я замру на этом дивном миге / и, прости, не вызову на bis. /

Только ты, как в том далёком мифе, / сам в своё творенье не влюбись» (с. 56).

Та же творческая сила помогает поэту выстаивать в мире обыденности. Стихотворение “Praesens” (1999) – о нравственном преодолении поэтом испытаний профанного времени. О том, что переживание этих испытаний может быть приуготовлением к переходу поэта во вневременность/вечность: «Я стою [Настоящее время / Praesens, помнится]. Я не погиб. / Проклят лишь победившим отребьем, / за талант возведён во враги. / ...Обезьяны бенгальские! Резус! / Суета. Можно проще. Пока / всё ещё не perfectum, a praesens. / Praesens atemporel – на века! (с. 57). Как видим, на сей раз в качестве источника поэтической образности выступает не искусство, а наука. Латинские лингвистические термины и понятия, конечно, несколько затрудняют неподготовленному читателю восприятие этого поэтического текста. Но кажется – только тем, к кому автор и не думал адресоваться, по-видимому, справедливо согласившись с Плавтом (или Теренцием): “Sapienti sat”.

Тема времени вообще одна из основных в поэзии В.Г. Руделёва. Так, стихотворение «Полёт золотой стрекозы в саду Поэта» (2015) имеет посвящение: «Памяти Роберто Бартини...». В нём специально отмечена причастность Бартини к разработке философской проблемы времени и пространства. В стихотворении присутствует и сам образ итальянского конструктора-философа, который организует движение лирического сюжета в 1 и 2 частях этого текста (подробнее об этом см.: [4]). Надо отметить, что В.Г. Руделёв многократно и на разных этапах своего творческого пути обращается к философской концепции Бартини. Она упоминается и в поэме «Свидание с Рязанью» (2007), где именуется по-разному: «огнеподобным временем» (с. 155), «многомерным временем в духе Роберто Бартини» (с. 171). Иногда идея Бартини прямо не названа, но имплицитная отсылка к ней угадывается в тексте, как правило, в сопряжении с темой памяти: «Событий огненные кони / Не сгубят Памяти перо...» («Перрон», 2011 (с. 134)). Этой теме посвящён весь поэтический сборник «В ла-

биринте времени» (2006), стихотворения которого вошли и в одноимённый раздел анализируемой книги. В заглавном стихотворении раздела («В лабиринте времени», 1983) тема времени вновь соотнесена с темой памяти, для характеристики которой здесь использован эпитет «пылающая» (ср.: время Бартини – «огнеподобное»): «Несётся конницей по зеркалу дорог его косматая пылающая память» (с. 103). В стихотворении «Трегуляй» (2005) – та же аллюзия на бартиниевскую концепцию времени: «Замкнулся Времени горячий круг...» (с. 105).

Но вернёмся к вопросу о мировоззренческих основаниях, на которых В.Г. Руделёв обращается к культурным текстам как к эстетическому ресурсу собственной поэзии. Как уже было отмечено, в мировой лингвокультуре эпохи “post” такие обращения мотивированы «эпистемологической неуверенностью», то есть тотальным сомнением в самом существовании «чистого означаемого» («...чистого означаемого ...не существует» [1, с. 313]), ибо оно фатально искажено стремлением человека навязать реальности предполагаемый им смысл. На том же основании отказывалось в существовании и самой «внетекстовой реальности» («...внетекстовой реальности вообще не существует» [1, с. 313]).

Полагаем, что применительно к наследию В.Г. Руделёва этот вопрос решается иначе. Как следует из его научного наследия, в частности, из трудов, анализирующих поэтические тексты, профессор В.Г. Руделёв не разделял постмодернистских сомнений в умопостигаемости «чистого означаемого», а следовательно, и сомнения в существовании «внетекстовой реальности» тоже не были свойственны его миропониманию. Так, уточняя некоторые положения динамической теории частей речи русского языка, В.Г. Руделёв и его соавтор, в частности, пишут о некоторых «поправках», внесённых учёными Тамбовской лингвистической школы в теоретико-информационный метод Н.С. Трубецкого, представленный как аналог теоретико-информационной концепции К. Шеннона [5]. При этом, как следует из данной работы, В.Г. Руделёв и его соавтор исходят

из несомненной **подлинности и познаваемости** (выделено мной. – Н. П.) обсуждаемых языковых явлений, то есть трактуют их как неотъемлемую принадлежность реальности. Например, характеризуя первую из обсуждаемых «поправок», В.Г. Руделёв и его соавтор отмечают: «...открытые великим русским учёным (Трубецким. – Н. П.) *нейтрализации* были представлены как неотъемлемые признаки подлинных оппозиций, как их опознавательные знаки и как *единственные* (здесь и далее при цитировании курсив авторов. – Н. П.) признаки самих оппозиций» [5, с. 144]. В другом месте, комментируя понятие «поэтической грамматики», В.Г. Руделёв заявляет о своей солидарности с принципиальной исследовательской ориентацией на реальность, заявленной в статье другого крупного учёного-лингвиста – питерского профессора С.Г. Ильенко: «Поэтическая грамматика» расширяет просторы познания и становится его инструментом. Никакая иная грамматика, стремящаяся к *реализму* и преодолевающая *номинализм*, до сих пор подобных способностей не проявила» [6, с. 13].

ВЫВОДЫ

Как следует из вышеприведенных высказываний, миропонимание культуры “post” с присущей ему «эпистемологической неуверенностью», а следовательно, и пессимизмом в отношении возможностей познания, не было близко В.Г. Руделёву. Чем же, в таком случае, можно объяснить столь характерные для его поэзии апелляции к образам, уже осмысленным в истории искусства или науки? (Напомним ещё раз, что у постмодернистов такие образы, как правило, возникают на ос-

нове признания исчерпанности культуры и тотального сомнения в достоверности любого человеческого знания).

Поэтическое и научное наследие В.Г. Руделёва, взятое в совокупности, даёт обоснованный ответ на этот вопрос. Причина здесь коренится в глубоком осознании В.Г. Руделёвым – поэтом, учёным и университетским профессором – потребности в утверждении достоинства человеческой культуры, которая на своём долгом пути многократно продемонстрировала, что человек способен как на глубочайшие падения, так и на высочайшие духовные взлёты, на блестящие интеллектуальные озарения – что и запечатлено в искусстве и науке. В этих условиях шедевры русского и мирового искусства, как и многочисленные уроки русской истории, кропотливо исследовавшиеся в лингвистических трудах В.Г. Руделёва (например: [7, с. 180-193]) и вдохновлявшие его поэзию, служат убедительным подтверждением возможностей человека и человечества и тем самым активно противостоят идеологемам лингвокультуры “post”, в том числе – и на путях, ею эксплуатируемых.

Научная новизна проведённого исследования состоит в том, что поэзия В.Г. Руделёва впервые становится предметом анализа в указанном аспекте, весьма актуальном для современной науки. Результаты исследования могут быть включены в общую научную концепцию лингвоэкологии эпохи “post”, что обуславливает его теоретическую значимость. Способы поэтологического анализа конкретных художественных текстов В.Г. Руделёва могут быть использованы на семинарских занятиях по современной поэзии, что мотивирует практическую применимость полученных результатов.

Список источников

1. Делрида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономова. М.: Изд-во AD MARGINEM, 2000. 511 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000662478>
2. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: INTRADA, 2001. 384 с. URL: <https://terme.ru/slovari/postmodernizm-slovar-terminov.html> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Bertens H. Literary Theory: The Basic. London; New York: Routledge, 2014. 269 p. URL: https://archive.org/details/literarytheoryba0000bert_n8q9
4. Потанина Н.Л. Концептуальные метафорические модели в лирике В.Г. Руделёва // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 625-631. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631>, <https://elibrary.ru/zfgjje>

5. Руделёв В.Г., Руделёва О.А. К уточнению некоторых положений динамической теории частей речи русского языка («пространство» и «время» в поэтических текстах В.В. Маяковского) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 144-154. <https://elibrary.ru/pwqdif>
6. Ильенко С.Г. На пути к лингвистическому реализму // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10 (114). С. 9-14. <https://elibrary.ru/pjirdh>
7. Руделёв В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 году // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 180-193. <https://elibrary.ru/obmhqt>

References

1. Derrida Zh. *O grammatologii* [About Grammar]. Moscow, AD MARGINEM Publ., 2000, 511 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/record/01000662478>
2. Il'in I.P. *Postmodernizm: Slovar' terminov* [Postmodernism: Glossary of Terms]. Moscow, INTRADA Publ., 2001, 384 p. (In Russ.) Available at: <https://terme.ru/slovari/postmodernizm-slovar-terminov.html> (accessed: 20.12.2022).
3. Bertens H. *Literary Theory: The Basic*. London, New York, Routledge Publ., 2014, 269 p. Available at: https://archive.org/details/literarytheoryba0000bert_n8q9
4. Potanina N.L. Conceptual metaphorical models in V.G. Rudelev's lyric poetry. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 625-631. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631>, <https://elibrary.ru/zfgjjc>
5. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. On specification of some states about dynamic theory of parts of speech of Russian language (space and time in poetic texts of V.V. Mayakovsky). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2013, no. 2 (118), pp. 144-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwqdif>
6. Il'enko S.G. On the way to linguistic realism. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2012, no. 10 (114), pp. 9-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjirdh>
7. Rudelev V.G. Meaning and aim of Polovets campaign of north prince Igor Svyatoslavich in 1185. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2011, no. 8 (100), pp. 180-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/obmhqt>

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>, tatulia_tmb@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с научными источниками, анализ художественного текста, написание, редактирование и оформление статьи.

Поступила в редакцию 29.01.2023
Одобрена после рецензирования 11.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Natalia L. Potanina, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>, tatulia_tmb@mail.ru

Contribution: study conception, work with scientific sources, literary text analysis, manuscript text drafting, editing and design.

Received January 29, 2023
Revised April 11, 2023
Accepted April 20, 2023